

DOI 10.25991/VRHGA.2018.19.3.012

УДК 1(091)+111

*А. Э. Савин**

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ**

В статье выявляются сущность и генезис хайдеггеровской трактовки марксизма. Эксплицируются различия хайдеггеровской трактовки марксизма и русского коммунизма (советского марксизма). Работа раскрывает истоки хайдеггеровской критики материализма и диалектики как господства натурализма, исчисляющей рациональности и фабрикации (*Machenschaft*). Демонстрируются причины несостоятельности критики диалектического материализма Хайдеггером.

Ключевые слова: диалектический материализм, марксизм, диалектика, бытие, натурализм, фабрикация, исчисляющая рациональность, Хайдеггер.

A. E. Savin

MARTIN HEIDEGGER AND DIALECTICAL MATERIALISM

The nature and genesis of Heidegger's interpretation of Marxism is revealed in the article. The distinctions of Heidegger's treatment of Marxism and Russian communism (Soviet Marxism) are explicated. The work reveals the origins of Heidegger's criticism of materialism and dialectics as the dominance of naturalism, the calculating rationality and fabrication (*Machenschaft*). The reasons for the inadequacy of the heideggerian criticism of dialectical materialism are demonstrated.

Keywords: dialectical materialism, Marxism, dialectics, being, naturalism, fabrication (*Machenschaft*), calculating rationality, Heidegger.

Целью статьи является раскрытие способа истолкования диалектического материализма в свете философии Хайдеггера и экспликация его марксистской критики. Работа имеет предварительный характер и стремится лишь прочертить

* Савин Алексей Эдуардович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН; savin@pochtamt.ru

** Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00753 А «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли».

основные линии хайдеггеровской критики марксизма и диалектико-материалистической трактовки этой критики. Генеральной линией при этом является советская диалектико-материалистическая перспектива, работы представителей Франкфуртской школы используются лишь для того, чтобы оттенить и более резко и определенно очертить контуры интерпретации хайдеггеровской мысли советским марксизмом.

Перед тем как приступить к разработке темы — важное предварительное замечание. Автор настоящих строк не считает, что политические или политизированные оценки философии и философов сами по себе, уже в силу их политически ангажированного характера, являются поверхностными. Он призывает лишь избегать суждения о философии на основе расхожих политических оценок, оценок, исходящих из политических самопонятностей, автоматических различий и отождествлений, т. е. не только политических, но и философских безмысленностей. Применительно к разрабатываемой теме то обстоятельство, что мы имеем дело, с одной стороны, с философией немецкого нациста и антисемита Хайдеггера, а с другой, — с философией русских коммунистов, многие из которых добровольцами пошли на фронт в первые дни нападения фашистской Германии на Советский Союз, и левых еврейских интеллектуалов, участвовавших в идеологической борьбе с фашизмом еще с начала 1930-х гг., должно стать не предпосылкой ответа на вопрос об их философиях, а напротив, индуцировать вопрос о расхождении в трактовке центральных философских тем, поскольку философия, являясь прямым выражением жизни в целом, раскрывает и способы первичной ориентации в ней философствующего, в т. ч. и ориентации политической. Иначе говоря, не политика, а именно философия выдает человека с головой — в ней он феноменологизируется, т. е. сам себя из самого себя являет и манифестирует характер своего существования. Это касается всех людей — автор разделяет позицию М. К. Мамардашвили о существовании «естественной философии», — но лишь философы артикулируют собственную проявленность, а потому и историко-философское осмысление их позиций становится экспликацией первичных ориентаций.

Маркс и марксизм в хайдеггеровской оценке

В интервью Хайдеггера 1969 г. в журнале «Экспресс» имеется фрагмент следующего содержания.

Корреспондент: Возможна ли связь Маркса и Хайдеггера?

Хайдеггер: На почве моей проблематики, думаю, нет. Вопрос о Бытии — не вопрос Маркса. Это не должно означать, что творчество Маркса менее важно, чем творчество Гегеля, или, что оно чуждо метафизике. Бытие мыслится Марксом как Природа, которой нужно овладеть и управлять. Маркс остается самым крупным гегельянцем.

Корреспондент: Вы все еще читаете Маркса?

Хайдеггер: Я недавно перечитывал его юношеские произведения. Впрочем, я следил за работами моего ученика Ландсхута, который их опубликовал в 1932 году. У меня было намерение посвятить прошлым летом этим текстам факультативный семинар с преподавателями из стран народной демократии, которые меня просили об этом [3].

Как разъяснение к этому фрагменту интервью с Фредериком Товарницки можно рассматривать известное рассуждение о Марксе из хайдеггеровского «Письма о гуманизме».

Бездомность становится судьбой мира. Надо поэтому мыслить это событие бытийно-исторически. То, что Маркс в сущностном и весомом смысле опознал вслед за Гегелем как отчуждение человека, уходит своими корнями в бездомность новоевропейского человека. Последняя вызвана судьбой бытия в образе метафизики, упрочена этой последней и одновременно ею же в качестве бездомности скрыта. Поскольку Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории. Поскольку, наоборот, ни Гуссерль, ни, насколько я пока вижу, Сартр не признает существенности исторического аспекта в бытии, постольку ни феноменология, ни экзистенциализм не достигают того измерения, внутри которого впервые оказывается возможным продуктивный диалог с марксизмом.

Для этого, конечно, нужно еще сначала, чтобы люди избавились от наивных представлений о материализме и от дешевых опровержений, якобы призванных его сразить. Существо материализма заключается не в утверждении, что всё есть материя, но в метафизическом определении, в согласии с которым всё сущее предстает как материал труда. Новоевропейско-метафизическое существо труда вчерне продумано в гегелевской «Феноменологии духа» как самоорганизующий процесс всеохватывающего изготовления, т. е. опредмечивания действительности человеком, который почувствовал в себе субъекта. Существо материализма кроется в существовании техники, о которой хотя и много пишут, но мало думают. Техника есть в своем существовании бытийно-историческая судьба покоящейся в забвении истины бытия. Она не только по своему названию восходит к «техне» греков, но и в истории своего развертывания происходит из «техне» как определенного способа «истинствования», ἀληθεύειν, т. е. раскрытия сущего. В качестве определенного образа истины техника коренится в истории метафизики. Последняя сама есть некая отличительная и до сих пор единственно обозримая фаза истории бытия. Можно занимать разные позиции перед лицом коммунистических учений и их обоснования; бытийно-исторически ясно, что в коммунизме дает о себе знать стихийный опыт чего-то такого, что принадлежит истории мира. Кто рассматривает «коммунизм» только как «партию» или «мировоззрение», тот так же не додумывает, как люди, видящие за словом «американизм» только некий специфический жизненный стиль, да еще и принижающие его [7].

Таким образом, Маркс для Хайдеггера является открывающе-сокрывающим мыслителем, поскольку эксплицируя феномен отчуждения, и тем самым вплотную подходя к истории метафизики, т. е. к истории забвения бытия, он вместе с тем сам сокрывает ее существо, сводя бытие к природе, первичное отношение человека к миру к труду как производству, а отношения людей — к производственным отношениям и классовой борьбе. Более того, марксистская перспектива труда, по Хайдеггеру, приводит даже к низведению природы до предмета технической обработки.

В этой связи примечателен и совсем неслучаен выпад Хайдеггера против русского коммунизма в его рассуждении о Карнапе во «Введении в метафизику», приведенном и осмысливаемым А. Б. Паткулем. Паткуль пишет следующее.

... Хайдеггеровская деструкция логики призвана показать, что логическое исчисление точно также является результатом опредмечивания сущего в только наличное, а быть может, она является еще большим нивелированием бытийного понимания, поскольку даже производное понимание бытия в качестве связки апофантического суждения здесь не принимается во внимание. Поэтому для философа между традиционным и новым типом логики нет принципиального различия, столь часто акцентируемого сторонниками логического исчисления. В претензии же нового исчисления на то, чтобы быть идеалом научности, Хайдеггер, напротив, видит псевдонаучность, укорененную в полном забвении того, что такое бытие как таковое. Интересно, что в одном из более поздних своих текстов — в рукописных редакциях «Введения в метафизику» — он, фактически реагируя на критику Карнапа, бросает упрек, похожий на упреки, часто адресованные ему самому, — упрек в подчиненности такого рода мышления идеологии. Он высказывается следующим образом: «Еще дальше в том направлении, которое в определенном смысле было намечено со времен Аристотеля и согласно которому «бытие» определялось из «есть» предложения и, таким образом, окончательно уничтожалось, идет философское движение, сконцентрированное вокруг журнала «Erkenntnis». Здесь полагают, что прежняя логика должна быть прежде всего строго научно обоснована и выстроена при помощи математики и математического исчисления, чтобы затем создать «логически корректный» язык, в котором положения метафизики, будучи лишь видимостью предложений, станут невозможны. Так, одна статья в этом журнале (II, 1931, с. 219 сл.) называется «Преодоление метафизики логическим анализом языка». В ней происходит крайнее уплощение и выхолощивание традиционной теории суждения под видом математической научности... Мнимое «философское» направление сегодняшнего математико-физикалистского позитивизма намеревается обеспечить обоснование этой позиции. Не случайно, что этот вид «философии» готов обеспечить и основания современной физики, в которой разрушены все связи с природой. Не случайно и то, что этот вид «философии» внутренне и внешне связан с русским коммунизмом. Не случайно далее, что этот вид мышления празднует свои триумфы в Америке». [Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб: Издательство ВРФС, 1997. С. 291–292]. Но на деле, по Хайдеггеру, онтологически в такой логике нет ничего, что не было бы заложено в том приведении бытия к наличию, на котором онтологически основана уже логика Стагирита [4].

А. Б. Паткуль в этом фрагменте демонстрирует, что у Хайдеггера раскрытие оснований и логики аналитической философии связано с раскрытием логики и оснований русского коммунизма, и показывает, тем самым, идеологизированность аналитической философии.

Для нас, напротив, важно то, что по Хайдеггеру, здесь бытие, в т. ч. сведенное к сущему и узко понятое как природа, даже в этой форме далее искажается ее трактовкой в перспективе математической физики, т. е. исчисляющей рациональности и логики фабрикации (Machenschaft), каковой русские коммунисты разрушают философски здоровую составляющую марксовской критики отчуждения и тем самым превращают марксизм и базирующуюся на нем практику в еще более отчужденный феномен, нежели тот способ ново-европейского существования, от которого они отталкивались. Философский фундамент русских коммунистов, исходя из приведенного фрагмента Хайдеггера, — объективизм, доходящий до физикализма натурализм и инженерный,

подчиняющийся логике исчисления и производства, конструктивизм. Если бы Хайдеггер знал выдвинутый Сталиным на встрече с писателями 26 октября 1932 г. в доме Максима Горького на Малой Никитской тезис — «Все производства страны связаны с вашим производством. Человек перерабатывается в самой жизни. Но и вы помогите переделке его души. Это важное производство — души людей. И вы — инженеры человеческих душ», — он шел бы его выражением крайней формы забвения бытия, обнажением характерной для него тенденции фабрикации бытия самости (*Machenschaft des Selbstseins*) и чистым проявлением русского коммунизма.

Резюмируем хайдеггеровский подход к марксизму. Маркс не является для Хайдеггера философски достойным собеседником, поскольку у первого нет постановки вопроса о бытии и его мысль развертывается в пространстве забвения бытия и истории европейской метафизики. Вместе с тем Маркс и марксизм все же имеют позитивную составляющую и достойны философского внимания как субъект новоевропейского мышления, поскольку они раскрывают определяющее судьбу мира отчуждение и тем самым вносят вклад в экспликацию историчности, истории мира.

Советский марксизм (русский коммунизм), напротив, является для Хайдеггера только негативным феноменом, поскольку он не субъект, а чистый объект истории метафизики. Русские коммунисты — если можно так выразиться — метафизические автоматы, отличительная особенность которых состоит лишь в том, что они довели забвение бытия и историю метафизики — или, скорее, сама история метафизики довела их — до крайней формы, открыв пространство для безграничной фабрикации и совершив крайние акты насилия над природой, обществом и самостью.

Философия Хайдеггера в перспективе советского марксизма

Чтобы выявить основные черты трактовки советским марксизмом хайдеггеровской критики диалектического материализма, необходимо, на мой взгляд, прочертить основные линии расхождения между этими направлениями мысли. Мне представляется, что таковыми выступают различия в понимании трех философских тем — бытия, диалектики и практики (в т. ч. политической). В дальнейшем я попытаюсь эскизно очертить эти различия, ограничившись, однако, первыми двумя темами.

Я полагаю, что Хайдеггер абсолютно превратно понимает существо материализма, сводя его к пониманию сущего как материала труда (см. приведенную выше цитату из хайдеггеровского «Введения в метафизику»). Напротив, базовый тезис материализма — это положение о нечеловечности природы, каковая и выступает основой всякого бытия. В основополагающей для советского марксизма работе — «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина, написанной еще в 1909 г., прямо утверждается, что тезис о нечеловечности природы (*Unmenschlichkeit der Natur*), о ее независимом от человека существовании является основной предпосылкой всего, а не только диалектического, материализма [2, с. 85–86].

Попытки сведения бытия, и в особенности природного бытия, к материалу труда были пресечены в корне в советском марксизме еще в начале развития

деборинской школы ее крупнейшим представителем Я. Э. Стэнном в рецензии 1924 г. на книгу С. Руднянского «Беседы по философии материализма» (Харьков, 1924).

Руднянский говорит, что действительность создается человеческим трудом, что действительность представляется совсем иначе нам в странах промышленных в наше время, чем сто лет назад, когда не знали еще крупной промышленности и не умели надлежащим образом эксплуатировать силы природы... Если диалектический материализм требует революционно-практического отношения к миру и данную картину природы считает возникшей на основе данной исторической ступени развития производительных сил человеческого общества, то он вовсе не отменяет основного элементарного положения всякой формы материализма, что внешняя природа, объект, существует независимо от человеческого сознания. Руднянский, сосредоточив свое внимание на определении действительности как результата общественного труда, забывает, что в тот момент, когда природа человеку в процессе общественного труда обнаруживает свои свойства, она вовсе не создается и не возникает, а для того, чтобы обнаружиться в процессе труда, она должна уже существовать независимо от человеческого труда и независимо от человеческого сознания. Если понятие действительности, существующее на данной ступени развития, полностью хоронится на следующей ступени, как это думает Руднянский, то мы не имеем объективного познания... [6, с. 16–19]

Если в приведенной трактовке отношения бытия, природы и сознания у Деборина и деборинцев проявлялись колебания (Я. Э. Стэн, высказавший приведенную выше позицию с полной ясностью, здесь стоит особняком), то представители ортодоксальной линии диалектического материализма быстро исправляли дело.

И уж тем более диалектико-материалистическое понимание природы не сводится к натурализму (даже наиболее развитого, фейербахианского типа), а природа не сводится диалектическим материализмом к ее субституту, сформированному математическим естествознанием. В своей критике деборинского направления и его трактовки отношения философии Фейербаха и диалектического материализма, П. Е. Вышинский прямо заявляет:

Если т. Семковский хочет сказать, что как философия Маркса, так и философия Фейербаха есть материализм, то это верно и понятно. Но если он хочет сказать, что в основе диалектического материализма лежит фейербаховский, т. е. абстрактный материализм, то это неверно [1, с. 16].

Отмечая несомненную материалистичность философии Фейербаха, П. Е. Вышинский продолжает:

Коренным недостатком философии Фейербаха является натурализм в особой форме — антропологизма. Формы сознания, идеологию, религию и философию Фейербах выводит из потребностей абстрактного «человека». Проблема субъекта-объекта была поставлена и разрешена Фейербахом вне общественно-исторической практики, следовательно, абстрактно-натуралистически, т. е. как проблема единства человеческого организма со средой через потребности. Субъект и объект берутся в их естественном, т. е. натуральном, биологическом, единстве: антропологизм Фейербаха лишен историзма. Все это, однако, не помешало Деборину

утверждать, что «принципы Фейербаха насквозь диалектичны». Недостаточно критически относился к абстрактному натурализму Фейербаха и Плеханов, что объясняется тем, что самим Плехановым (и Чернышевским) единство бытия и мышления в значительной мере понималось как единство человеческого организма и как единство психического и физического в организме [1, с. 26–27].

Это, если продолжить мысль П. Е. Вышинского, ведет к махизму и эмпириокритицизму как разновидности идеализма, к некоему виталистскому юмизму, поскольку логическое развитие этого хода мысли — признание первичности жизни (органического) как источника мира, с одной стороны, и человеческого «я» — с другой. Т. е. если бы диалектический материализм был натурализмом, то, с учетом импликаций натурализма, непонятно, против кого Ленин писал свою книгу. И очевидно, что если, согласно совершенно справедливым рассуждениям П. Е. Вышинского о диалектическом материализме, единство природы и духа не природное (биологическое), то как может естествознание, тем более математическое естествознание, быть средством его изучения и преобразования — позиция, которую приписывает русским коммунистам Хайдеггер. Все рассуждение П. Е. Вышинского есть демонстрация запрета в материалистической диалектике на натуралистическую трактовку бытия и единства бытия и сознания, на замещение природы научным конструктом, и на использование естествознания для изучения философски понятых природы и духа. Т. е. и тут критика Хайдеггером диалектического материализма бьет мимо цели.

Хочу отметить, что сам Хайдеггер открыто проявил свои политические позиции именно в связи переходом от трактовки бытия как бытия сущего к трактовке его в качестве бытия как такового — переходом от *Sein* к *Seyn* — в 1930-е гг. Крупнейший немецкий историк феноменологии Клаус Хельд в своей последней монографии отмечает в связи с хайдеггеровским антисемитизмом и нацизмом следующее.

Вся до сих пор существовавшая философия понимала под «бытием (*Sein*)» «бытие сущего». Когда мы говорим о бытии сущего, мы смотрим на сущее; т. к. под «бытием сущего» мы подразумеваем то обстоятельство, что сущее есть и является нам. Но это означает, что мы, если мы занимаемся «бытием сущего», вопрошаем вовсе не об оборотной стороне проявления (*Erscheinen*) сущего, а именно, не о том, что само ускользает в полную сокрытость в пользу этого проявления.

Несмотря на это, это ускользающее в сокрытость имеет дело с сущим, т. к. при «данности сущего (*es gibt Seiende*)» оно и есть дающее (*Gebende*). Из-за этой неразрывной связи скрытым образом дающего с даром (*Gabe*), а именно, с сущим, это дающее можно обозначить как бытие (*Sein*). Но это сокрытое бытие не есть «бытие сущего». Чтобы прояснить различие между «бытием сущего» и бытием в смысле дающего при «дано», Хайдеггер в 30-е гг. это последнее, сокрытое бытие (*Sein*) писал через ипсилон (*Seyn*). Философия, говорит Хайдеггер, хотя и всегда в течение двух с половиной тысячелетий ставила «вопрос о бытии», но бытию, о значении которого здесь спрашивалось, никогда не было ускользающим в сокрытость бытием (*Seyn*). Однако, именно от этого бытия (*Seyn*) сокрытого в бездне в конечном счете зависит смысл нашего существования [10, S. 199].

Логично предположить, что мы тем дальше от бытия, чем сильнее наше внимание поглощено сущим. А сущим оно захвачено сильнее всего, когда мы

сами фабрикуем проявление этого сущего, например, принуждая его раскрыть себя определенным образом в научном эксперименте или производим вещи посредством техники. Развертывающаяся технизация жизни и есть господство фабрикации, вводящее от бытия.

Современный мир есть результат техники, техника покоится на современном (moderne) естествознании, фундаментальной характеристикой которого является исчисление... Современный мир пронизан исчисляемостью [10, S. 201–202].

Соответственно, чтобы оставить за спиной историю метафизики, с необходимостью сопровождающуюся забвением бытия и завершающуюся господством расчета, необходимо другое начало, функционерами которого и, тем самым, бытия (Sein), по Хайдеггеру, являются немцы. Им противостоят евреи — функционеры расчета, каковые скрываются за спиной всех военных противников Германии и тайно руководят ими [10, S. 204]. В эпоху конца метафизики, ведомый самим бытием (Sein), вождь нацистского движения, согласно Хайдеггеру, воплощает судьбу немецкого народа в его борьбе с открытыми врагами Германии и с их тайным господином — мировым еврейством.

Т. е. мы видим, что решающее расхождение между русскими коммунистами и Хайдеггером состоит в различном понимании следствий независимости бытия от сознания, чем и определяется, затем, характер хайдеггеровской оценки советского марксизма. Для русских коммунистов эта независимость вызывает задачи уразумения пассивности сознания, выяснения соотношения его пассивных и активных элементов, генеалогии логики и диалектики абсолютной и относительной истины, каковая подразумевает критику общественных отношений, науки, техники и идеологии в свете принципа независимости бытия от сознания.

Для Хайдеггера, напротив, задачей становится вслушивание в бытие, некая новая модификация «мистического пантеизма», который Дильтей приписывал раннему Гегелю. Соответственно, критика науки и техники, истории метафизики, у Хайдеггера в корне отличается от марксистской и имеет откровенно реакционный характер, поскольку совершает классическую подмену, которую отмечал еще Лукач в «Молодом Гегеле и проблемах капиталистического общества». В своей критике позитивности философы, отказываясь от трансцендентного бога, либо отказываются и от трансцендентности как таковой, и тогда, в конечном счете, у них всякое бытие есть бытие сознания, а всякое опредмечивание является отчуждением и должно вновь целиком раствориться в сознании в результате исторического процесса, либо принятие трансцендентности природы вызывает и признание богов и всех вытекающих из этого форм «познания» божественного (вслушивания, истолкования знаков божественного, герменевтики как философского метода) или восприятия зова крови и почвы.

Вторая основная линия хайдеггеровской критики советского марксизма задается его трактовкой диалектики. Напомню, что для определившего принципы советского марксизма Ленина диалектика является теорией познания и логикой марксизма. Хайдеггер же отрицательно оценивает диалектику. Она для него является образцом господства наличного и его метафизики, поскольку препятствует тематизации историчности.

Позиция это не новая. Здесь Хайдеггер фактически повторяет Дильтея, который уже в предисловии к своей «Истории молодого Гегеля» писал, что значимость ранних теологических сочинений Гегеля выходит за рамки гегелевской системы.

...Им, как возникшим из углубления в огромный исторический материал (Stoff der Geschichte) еще не стесненными насильем (Zwang) диалектического метода, присуще самостоятельное значение [8, S. 3].

В ранних сочинениях, по мнению Дильтея, проявляется вся историческая гениальность Гегеля, еще свободная от оков системы. [8, S. 60]. Еще в 1923 г. в «Онтологии. Герменевтике фактичности» Хайдеггер указывает, что диалектика (а также представленное шпенглеровской физиогномией истории историческое сознание) базируется на господстве созерцания и теоретической установке, действует уже в пространстве наличного, а следовательно, упускает бытие в мире и историчность [9, S. 41–47].

В более поздний период диалектика трактуется им в рамках феномена забвения бытия и сама выступает одним из симптомов этого забвения. А потому, как справедливо указывает Гельмут Феттер, история бытия в хайдеггеровском смысле отграничивается самим Хайдеггером от всякого опредмечивания истории исторической наукой, с одной стороны, и от гегелевской систематики, которая делает закон своего мышления законом истории и снимает последнюю в системе, с другой [12, S. 338]. Диалектика, по Хайдеггеру, потому не способна тематизировать историчность, что упускает фактичность Dasein и необходимость ниспровергающего отклика (Widerruf).

Такая трактовка диалектики была опровергнута еще учеником Хайдеггера марксистом Гербертом Маркузе в ранних работах. Не имея здесь возможности вдаваться в разбор маркузеанской критики хайдеггеровской критики диалектики, укажу только, что существо жизни у молодого Гегеля выражается формулой «равенство себе в инобытии» («Selbstgleichheit im Anderssein»). Эту формулу как «принцип тождества тождества и нетождества» («Identitaet der Identitaet und Nichtidentitaet») — тождества предмета и сознания, общего и особенного, целого и части — современный немецкий историк философии Шнедельбах обозначает как «основную спекулятивную фигуру» гегелевской философии в целом. С точки зрения Маркузе, эта формула выражает вместе с тем и основной смысл (Grundsinn) диалектики, поскольку она демонстрирует единство способа бытия предмета и сознания — их подвижность (Bewegtheit). Внутренний смысл жизни состоит, по Гегелю, в усвоении мира и своего собственного случайного Dasein в направлении раскрытия его возможностей и тем самым, снятия его инобытия [11, S. 429].

Очевидно, что в этом описании жизни ее основной чертой является историчность в хайдеггеровском смысле, т. е. ее фактичность, проективность и ниспровергающий отклик (Widerruf) на традицию и ее неявное господство. Вместе с тем это описание демонстрирует активность сознания и его характер всеобщего средства трансформации жизни. В этой связи диалектичность жизни выражается в понятии снятия как конкретного (определенного) отрицания наличного (в гегелевском смысле) существования. Снятие осуществ-

вляется на основе осознания своего положения в мире как конкретного, т. е. фактического существа (принадлежащего своему поколению и своему классу) и вытекающего из него революционно-практического преобразования мира. Советские марксисты вполне разделяли эту трактовку диалектики. Например, М. Розенталь уже на первых страницах своей работы «Материалистическая диалектика», применяя диалектический подход к самой диалектике, пишет:

...За каждой истиной лежит целая история и... только родовой, исторический опыт, опыт всего предшествующего развития, позволяет некоторые из них брать в готовом виде. В одном из своих писем к Марксу Энгельс писал: «Пока наши принципы не будут развиты... и не будут выведены, логически и исторически, из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение (быть необходимым продолжением означает у Маркса и Энгельса — с необходимостью совершать разрыв. — А. С.), вся эта работа (т. е. пропаганда своих взглядов — прим. М.Р.) останется половинчатой и большинство наших будет блуждать как в темноте» [5, с. 6–7].

Резюмируем изложенное.

Следует различать хайдеггеровскую критику марксизма и хайдеггеровскую критику русского коммунизма. Если Маркс и марксизм оцениваются Хайдеггером двояко, поскольку, с одной стороны, выступают моментами истории метафизики, связанными с забвением бытия, с другой — благодаря разработке понятия отчуждения, являются ступенями на пути раскрытия историчности, то русский коммунизм и его философская основа — специфический советский марксизм — являются для него сугубо отрицательными явлениями. Они, согласно Хайдеггеру, являются царством нововременного натурализма, исчисляющей рациональности и областью безраздельного господства фабрикации (*Machenschaft*), каковая у русских коммунистов достигает своего апогея. Тем самым апогея достигает и забвение бытия. Русский коммунизм (советский марксизм), по Хайдеггеру, — это предельная точка истории метафизики, т. е. разложение всего бытийно-сообразного.

Критика Хайдеггером советского марксизма (диалектического материализма) является несостоятельной, поскольку незаконно сводит материализм к натурализму, господству исчисляющей рациональности и фабрикации, а диалектику — к упускающему фактичность способу упорядочивания (систематизации) наличного в рамках теоретической установки. Эта критика игнорирует основоположения советского марксизма, заданные еще Лениным и развитые отчасти деборинской школой, отчасти ее противниками внутри советского марксизма (Г. Лукачем и П. Е. Вышинским): принцип нечеловечности природы, т. е. нетождественности бытия и сознания и отождествление историчности и диалектичности. Причинами этой философски безосновательной хайдеггеровской критики диалектического материализма являются, во-первых, некритическое принятие Хайдеггером дильтеевского тезиса о несовместимости историчности и диалектичности и его сведения диалектики к навязанной интеллектом систематизации жизни; во-вторых — антисемитские и нацистские выводы из критики исчисляющей рациональности и фабрикации, базирующиеся на концепции неявного господства бытия (*Sein*) и его

судьбоносного характера в истории народов и отдельных людей, а соответственно, забвения бытия и необходимости вслушиваться в бытие. Эти выводы искажают перспективу хайдеггеровского философского взгляда на советский диалектический материализм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вышинский П. Л. Фейербах и диалектический материализм. — М.: Партиздат, 1932.
2. Ильин В. (Ленин В. И.). Материализм и эмпириокритицизм. — М.: Звено, 1909.
3. Интервью М. Хайдеггера в журнале «Экспресс». — URL: <http://www.heidegger.ru/tovarnitski.php> (дата обращения: 10.08.2018).
4. Паткуль А. Б. Деструкция логики в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера // Историко-философский ежегодник — 2014. М.: Канон +, РООИ «Реабилитация», 2014. — С. 131–155.
5. Розенталь М. Материалистическая диалектика. — М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.
6. Стэн Я. Э. Статьи и выступления по философии / сост. С. Н. Корсаков. — М.: Энциклопедист-Максимум, 2015.
7. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме— URL: http://www.bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (дата обращения: 10.08.2018).
8. Dilthey W. Die Jugendgeschichte Hegels / Dilthey W. Gesammelte Schriften. — Stuttgart: Teubner, 1990. — Bd. 4. — S. 1–187.
9. Heidegger M. Ontologie. Hermenetik der Faktizitaet // Heidegger M. Gesamtausgabe. — Frankfurt a. M.: Klostermann, 1988. — Bd. 63.
10. Held K. Zeitgemaesige Betrachtungen. — Frankfurt a. M.: Klostermann, 2017.
11. Marcuse H. Schriften. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1978. — Bd I.
12. Vetter H. Grundriss Heidegger. — Hamburg: Meiner, 2014.